

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД И ЯЗЫКОВОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕГО И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МИРОВОЗЗРЕНИЙ

ARTISTIC TRANSLATION AND LANGUAGE INTERMEDIATION IN ARTISTIC LITERATURE: THE RELATIONSHIP OF THE GENERAL AND ARTISTIC WORLD-VIEWS

M. Tsaturyan

Summary. The article is devoted to the study of the problem of translatability. Translatability is a dynamic value; something that can not be translated can, under other conditions, become translatable. Translation can be considered one of the types of linguistic mediation, in which the bilingual mediator in one form or another creates a text that is oriented to a foreign original.

Keywords and phrases: literary translation; language mediation; dynamic properties of translatability; bilingual-intermediary; interlingual communication.

Цатурян Марина Мартиросовна

*Д.филол.н., профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар)
tsaturyan.mm@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы переводимости. Переводимость — величина динамическая; то, что не поддается переводу, может при других условиях стать переводимыми. Перевод можно считать одним из видов языкового посредничества, при котором билингв-посредник в той или иной форме создает текст, ориентированный на иноязычный оригинал.

Ключевые слова: художественный перевод; языковое посредничество; динамические свойства переводимости; билингв-посредник; межъязыковая коммуникация.

Одним из магистральных путей развития современной науки о переводе является исследование проблемы переводимости. В эпоху Возрождения возникло сомнение в возможности полноценного перевода, хотя поиски способов адекватного перевыражения не прекращались. В конце XVIII века по-новому поставили и заострили проблему романтики, много переводившие и придавшие первостепенное значение национальной, исторической и индивидуальной самобытности художественных произведений. Их точка зрения на перевод тоже была пессимистической: перевод представлялся им полем соперничества с автором.

Вольное обращение с подлинником представляло собой облегченный путь в обход трудностей перевода, так же как и самоотрешенный буквализм, который, однако, основывался обычно на наивном представлении о возможности достижения в переводе абсолютного тождества, т.е. на противоположном заблуждении. Таким образом, параллельно с нигилистической концепцией неперево-димости развивалась также концепция всепереводимости, как воплощение неоправданного оптимизма, недооценки реальных трудностей и переоценки возможностей перевода. Аргументированное обоснование этой концепции, мы находим в творческих работах А. Кривцовой и Е. Ланна. Переводимость можно рассматривать в динамике, она всегда соотносима с уровнем развития языка.

В начале XIX столетия наблюдается кризис перехода от неперево-димости к «наивному буквализму». В эти же годы появляется теория переводимости, возможности полноценного воссоздания подлинника. Идея переводимости обосновывается: 1) функциональные соответствия между языками; 2) гносеологически: объективное, полноценное отражение оригинала достигается через ряд сменяющих друг друга переводов, или дополняющие переводы, раскрывающие разные грани подлинника; 3) философски: бесконечность познания, вечное приближение к объекту делает переводимость категорией динамической; 4) диалектически: единство и взаимосвязь формы и содержания, языка и мышления. Возможность перевода с любого языка на любой другой объясняется единством законов мышления при разнообразии способов выражения; 5) диалектическое соотношение части и целого. Принцип структурности позволяет говорить о переводимости целого, даже, когда оно складывается из неперево-димых элементов.

Таким образом, идея переводимости одержала верх над пессимистической точкой зрения, но проблема переводимости усложнилась и заострилась, и на первый план выдвинулось изучение реальных трудностей перевода и способов их преодоления. Переводимость — величина динамическая; то, что не поддается переводу, может при других условиях стать переводимыми. Ди-

намические свойства переводимости обусловлены: 1) степенью близости языков, отражающих и дистанцию культур; 2) степенью изученности подлинника; 3) художественной спецификой подлинника — жанрам и стилем; 4) расширением ресурсов языка, что происходит благодаря переводам; 5) увеличением у читателя фоновых знаний — тезауруса.

В зависимости от задачи, которую ставит перед собой переводчик, способа решения этой задачи и достигаемого результата, переводчик может заниматься не только «собственно переводом», но и осуществлять речевые действия иного характера. Во многих случаях переводчик стремится как можно полнее воспроизвести оригинал. Известно, однако, что в других случаях переводчику вменяется в обязанность обеспечить воспроизведение в переводе коммуникативного эффекта оригинала, того воздействия, которое автор оригинала хотел сказать получателям сообщения с целью вызвать у них определённую реакцию.

Многие авторы считают воспроизведение коммуникативного эффекта главным условием любого «правильного» перевода. Но это означает, что на первом плане в процессе перевода находится не столько оригинал, сколько реципиент перевода [Залевская 1990].

Поскольку реакция получателей сообщения зависит в значительной степени от характера, знаний и предыдущего опыта самих получателей, переводы одного и того же оригинала, предназначенные для разных типов реципиентов, естественно, должны быть разными. Ориентация переводчика на оригинал, а также или даже, в особенности на определённый тип получателей и есть «динамическая эквивалентность» (Ю. Найда) или «прагматическая адаптация» (А. Нойберт) при переводе.

Коммуникативный эффект оригинала на получателей сообщения может быть иным в отличие от перевода, предназначенного для другой социальной, профессиональной или возрастной категории получателей.

Деятельность переводчика имеет посреднический характер; её значимость определяется тем, в какой степени она обеспечивает возможность общения между коммуникантами, пользующимися разными языковыми системами. Поэтому характер и результат действий переводчика определяется не его личными намерениями, а условиями и задачами межъязыковой коммуникации. Конечно, возможность выполнить поставленную цель зависит от таланта и уровня профессиональной подготовки переводчика, но эта цель и способы её достижения задаются факторами, внешними по отношению к переводчику. Вторичность деятельности переводчика означает, что он действует не для самовыражения, а выполняет социальный заказ либо самих участников межъ-

языкового общения, либо иных лиц, заинтересованных в том, чтобы коммуникация состоялась.

Наиболее полное общение между «разноязычными» коммуникантами осуществляется путём создания на языке перевода текста, коммуникативно-равноценного иноязычному оригиналу, т.е. его перевода. Коммуникативная равноценность двух текстов заключается в их функциональном и структурно-семантическом отождествлении коммуникантами, для которых эти два текста выступают в качестве равноправных форм существования одного и того же сообщения. Известно, что участники любого акта речевого общения не идентичны в лингвистическом плане. Каждый из них в разной степени владеет языком, на котором осуществляется общение. У каждого имеется свой запас слов, в разной степени развитые навыки говорения и понимания, разный языковой, литературный, культурный и жизненный опыт. Каждый обладает индивидуальными психологическими особенностями памяти, внимания, темперамента, интуиции и т.п. У каждого свои ассоциации, предпочтения, реакции, связанные с определёнными формами и их значениями. В результате подобных различий два человека никогда не создают или не воспринимают речевое произведение абсолютно одинаково, и в акте речи то, что говорит один, не полностью идентично тому, что понимает другой. Высказывание и содержащееся в нём сообщение как бы существует в двух видах: текст для говорящего и текст для слушающего.

Несколько иной характер имеет коммуникативная равноценность текстов, обнаруживаемых в процессе межъязыковой коммуникации. Создаваемый переводчиком текст отождествляется коммуникантами с текстом оригинала. Участники общения игнорируют возможные, реально существующие различия между двумя текстами. Они обращаются с переводом так, как будто он и есть оригинал (печатают его под именем автора оригинала, цитируют, оценивают, критикуют оригинал по переводу и т.п.), считая, что по форме и по содержанию они имеют дело с одним и тем же сообщением.

Степень общности разноязычных текстов, объединившихся в процессе межъязыковой коммуникации, зависит от соотношения систем и правил функционирования языков, участвующих в этом процессе. Перевод можно считать одним из видов языкового посредничества, при котором билингв-посредник в той или иной форме создаёт текст, ориентированный на иноязычный оригинал.

У Ч. Диккенса мы находим:

- ◆ *you're up to that?* [DPC1837, ch. XLII].
- ◆ разве вы не понимаете этого? [ДПК 1853, гл. XLII].
- ◆ Разве вы не понимаете? [ДПК 1894, гл. XLII].
- ◆ Сообразили? [ДПК 1984, гл. XLII].

В отличие от перевода, другие способы репрезентации текста на другом языке, лишь частично воспроизводят оригинал, не создают ему коммуникативно-равноценной замены, не дают основания для полного отождествления разноязычных текстов. Иначе говоря, при передаче сообщения, содержащегося в оригинале, происходит некоторое изменение, адаптация передаваемого. Билингв-посредник ставит перед собой задачи, ориентированные на особый тип реципиента, создавая тем самым межъязыковую коммуникацию (понимание, практическое использование или необходимое воздействие создаваемого текста для указанной группы лиц). При решении этих задач происходит не только транскодирование информации с одного языка на другой, но и её преобразование с целью изложения в форме, определяемой не объёмом и организацией этой информации в оригинале, а типом межъязыковой коммуникации, или «адаптивным транскодированием» [Kade 1980, 152–159].

Как видно из названия адаптивного транскодирования полноправной замены иноязычного оригинала быть не может. В данном процессе можно выделить: 1) Упрощающая адаптация, в основе которой лежит функциональное транспонирование текста. При этом, переводчик ориентируется на иную группу реципиентов, чем та, на которой был написан оригинал. Его задача — упростить содержание оригинала, чтобы сделать его доступным для читателя, не обладающего необходимыми познаниями, уровнем подготовки или жизненным опытом для понимания исходного сообщения. Наиболее распространённой формой подобной адаптации является уменьшение при передаче на другом языке степени научной сложности, специального или «технического» характера оригинала с целью сделать его доступным для читателя-неспециалиста, а также упрощение формы и содержания «взрослого» оригинала, перевод которого предназначается для детской аудитории. Этот вид адаптивного транскодирования наиболее близок к переводу; ему присущи некоторые признаки функционального отождествления конечного текста с оригиналом (опубликование под именем автора оригинала), и его обычно называют «сокращённым переводом»; 2) Воздействующая адаптация, при которой переводчик, ориентируясь на определённую группу реципиентов перевода, определённым образом воздействует на членов этой группы. Для достижения такой цели необходимо перестраивать передаваемое сообщение с учётом особенностей восприятия тех лиц, для которых предназначен текст на языке перевода. Здесь приходится прибегать к различным способам модуляции смысла и осуществлять не просто функциональное транспонирование текста, а его модуляционное транскодирование, составление параллельного текста на языке перевода, который должен

обеспечить необходимое воздействие. Указанные два вида адаптивного транскодирования О. Каде называет «текстопреобразующими» [Kade 1980, 169], в отличие от двух других видов, которые О. Каде называет «информативно-преобразующими» и которые отличаются от первых по цели и способу адаптации. Здесь речь идёт не просто о преобразовании исходного текста, а об отборе части содержащейся в нём информации и передаче её на языке перевода в совершенно иной форме. 3) Редукционно-описательная адаптация, которая преследует цель, сообщила Реципиенту о том, какого рода информация имеется в иноязычном тексте, не передавая содержание этой информации и не оценивая её. Адаптированные таким образом тексты дают возможность читателю узнать, о чём идёт речь в оригинале, и решить, есть ли там интересующая его информация. Для получения самой информации потребуется перевод или иной более детальный способ знакомства с содержанием исходного текста. Типичным примером подобной адаптации может служить краткое резюме на одном или нескольких иностранных языках, которое обычно приводится в конце или в начале статьи в научном журнале. 4) Редукционно-информативная адаптация, которая должна в сокращённой форме сделать доступным для читателя основное содержание оригинала. В этом случае, переводчик выбирает из оригинала информацию, отвечающую определённой теме, содержащую новые или важные сведения, которые могли бы заинтересовать реципиента. Реферативное изложение содержания оригинала подводит реципиента к тому, что он лишь получает часть информации, содержащейся в оригинале, и не является полноценным участником межъязыковой коммуникации.

С таким подходом к данному вопросу можно сделать вывод, что адаптивное транскодирование, как и перевод, является формой языкового посредничества. При адаптивном транскодировании отдельные части оригинала могут полностью переводиться, и в процессе перевода переводчик использует некоторые приёмы данного метода. В принципе, всё, что делает переводчик, можно называть языковым посредничеством, или переводом и размечать «собственно переводы», «переводы-рефераты», «упрощённые переводы», «сокращённые переводы», «прагматически-адаптированные переводы» и т.д. Важно лишь разграничить процесс создания текста, коммуникативно-равноценного тексту оригинала в указанном выше смысле, и всевозможные иные способы передачи содержания иноязычного текста.

Основой для критической оценки качества перевода служат исходные установки различных теоретических концепций, существующих в современном переводоведении. Большинство из них отражают двойную ориентированность перевода: на иноязычный оригинал и на чи-

тателя перевода. Ориентация на оригинал предполагает оценку перевода по степени верности исходному тексту.

Как показывают эксперименты, в большинстве случаев в переводе имеются языковые особенности, отличающие его от оригинального текста. Но, возможно, это свидетельствует не о нарушении языковой нормы, которое можно порой встретить и в оригинальном тексте, а об особенностях связанных с самой сущностью переводного текста, с его функционированием в качестве репрезентанта иноязычного оригинала. Например у Ч. Диккенса мы находим:

- ◆ *which stood to win* [DPC1837, ch. XLI].
- ◆ чтобы выиграть [ДПК 1853, гл. XLI].
- ◆ иметь шанс победить [ДПК 1894, гл. XLI].
- ◆ иметь шанс, чтобы выиграть [ДПК 1984, гл. XLI].

Такие особенности хорошо известны: это воспроизведение элементов иноязычной формы путём использования транскрипции, транслитерации и кальки, дословная передача идиоматических выражений и, прежде всего, как уже упоминалось, иная частотность употре-

бления отдельных языковых единиц или целых классов таких единиц. Наличие подобных особенностей — универсальная характеристика перевода, и их, видимо, не следует относить за счёт небрежности или недостаточной квалификации переводчика. Они обусловлены необходимостью добиться того, чтобы перевод наиболее полно отражал оригинал.

Можно утверждать, что на любом языке перевод — это особая категория текстов, выполняющих специфическую общественную функцию. Язык переводов представляет собой особую разновидность литературного языка, заслуживающую специального изучения, чтобы отличать её закономерные особенности от индивидуальных ошибок переводчика.

Всестороннее изучение языка реально существующих переводов необходимо не для регистрации ошибок, а для выявления особенностей этой разновидности литературного языка может открыть новые возможности для более объективной оценки художественных переводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kade O. Die Sprachmittlung als gesellschaftliche Erscheinung und Gegenstand wissenschaftlicher Untersuchung. Leipzig, 1980, s. 152–159.
2. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.
3. Dickens Ch. The Posthumous Papers of the Pickwick Club. M., 1837.
4. Диккенс Ч. Замогильные записки Пиквикского клуба. С.-Петербург, 1853 (перевод И. Введенского).
5. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба. М., 1894 (перевод М. А. Шишмарёвой).
6. Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского Клуба. М., 1984 (перевод А. В. Кривцовой и Е. Ланна).

© Цатурян Марина Мартиросовна (tsaturyan.mm@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

